ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛIОТЕКА „САТИРИКОНА“

Д. Г. УЭЛЛЬСЪ.

ОТВѢТСТВЕНАЯ РОЛЬ.
КАКЪ МИСТЕСЪ ЛЭДБЕТТЕРЪ ПРОВЕЛЪ ОДНАЖДЫ КАНИКУЛЫ.
ГРИБЫ.

Переводъ съ англійскаго Зин. Львовскаго.

ИЗДАНIЕ М, Г. КОРНФЕЛЬДА
С-ПЕТЕРБУРГЪ, 1912.

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА „САТИРИКОНЪ"
М. Г. КОРНФЕЛЬДА. СПБ., БАССЕЙНАЯ, 3—5

ОТВѢТСТВЕННАЯ РОЛЬ.

— Да-съ, доложу я вамъ, нелегкая это штука быть богомъ,—сказалъ мнѣ старикъ. —А вотъ, представьте себѣ, что волей судебъ мнѣ пришлось выполнить эту самую отвѣтственную обязанность.

При этихъ словахъ на моемъ лицѣ отразилось сильнѣйшее изумленіе.

— Вѣрно, говорю! — продолжалъ старикъ.

— Но какъ же это случилось?—спросилъ я.

— Очень просто. Не угодно-ли выслушать?

— Пожалуйста... Увѣряю васъ, что я очень заинтересованъ.

— Прекрасно... Вы слышали, конечно, про гибель «Піонера»?

— Океанскій пароходъ!

— Да. Ну, вотъ я одинъ изъ бывшихъ на немъ во время катастрофы и чудесно спасшихся... А было это лѣтъ двадцать тому назадъ... Вы врядъ-ли помните!

— Нѣтъ, какъ же!.. Слышалъ. Если не ошибаюсь, на немъ перевозили много золота?

— Вѣрно! Совершенно вѣрно!—воскликнулъ старикъ.—Спасаясь отъ морскихъ пиратовъ, «Піонеръ» забился въ небольшой проливъ, гдѣ и затонулъ... Воистину, адскій проливъ —и рифы тамъ, и подводные вулканы, и всякая прочая гадость! Не успѣли, что называется, повернуться, какъ пошли ко дну.

— И вы, значитъ, спаслись?

— Да, насъ трое спаслось...

— Если опять-таки не ошибаюсь, были кой-какія попытки достать золото, находившееся на кораблѣ?

Услышавъ это, старикъ до того разсердился и раскричался, что, признаться, я въ первую минуту струсилъ. Мало-по-малу онъ успокоился, но еще долго продолжалъ ругаться съ тѣмъ искусствомъ, которымъ по всей справедливости, гордятся моряки всевозможныхъ національностей.

— Простите великодушно, — сказалъ онъ.—Представьте себѣ, что до сихъ поръ я не могу безъ раздраженія вспомнить про эту глупѣйшую исторію съ пароходнымъ золотомъ. Вы совершенно вѣрно замѣтили, что были попытки достать золото. Въ одной такой попыткѣ я принималъ непосредственное участіе.—Онъ наклонился ко мнѣ и по-

чему-то заговорилъ шепотомъ: — Хотѣлъ сразу разбогатѣть, а вотъ вмѣсто того попалъ въ боги. Тутъ дѣло безъ лукаваго не обошлось... Двѣсти лѣтъ буду жить, а этой скверной исторіи не забуду.

За этими словами послѣдовалъ новый ливень отборнѣйшихъ ругательствъ. Затѣмъ выдержавъ паузу, старикъ сплюнулъ въ сторону, пристально взглянулъ на меня и началъ свой разсказъ:

— Какъ я уже говорилъ вамъ, насъ спаслось трое: я, матросъ Якобсъ и боцманъ Олуэйсъ. Боцманъ-то и затѣялъ всю штуку. Помню, точно вчера это было. Идемъ мы на четверкѣ, а онъ и говоритъ: «Сорокъ тысячъ фунтовъ —недурная штука, а стоитъ захотѣть, и эти деньги—наши!».

Намъ съ Якобсомъ нечего было палецъ въ ротъ класть; мы сразу поняли, о чемъ говоритъ Олуэйсъ... Тутъ и рѣшили —чѣмъ деньгамъ зря пропадать, лучше раздѣлить ихъ межъ собой! Пригласили мы къ участію братьевъ Сандерсъ, которые владѣли собственнымъ бригомъ; купили водолазный аппаратъ, скверный, старой-престарой конструкціи, съ запасомъ стараго воздуха на все время пребыванія подъ водой.

Сначала было рѣшено, что самъ Олуэйсъ и спустится на дно, но оказалось, что больше 1—2 минутъ онъ не можетъ держаться подъ водой.

Запаслись мы всѣми необходимыми принадлежностями въ Стэжъ-Ресѣ, за сто двадцать миль отъ мѣста крушенія «Піонера», и на бригѣ «Гордость Бонни», принадлежавшемъ братьямъ Сандерсъ, въ самомъ веселомъ настроеніи духа двинулись въ путь—дорогу. Пили мы все время сверхъ мѣры, но все же не до безчувствія, и къ дѣлу своему относились очень осторожно, каждый ходъ взвѣшивали и зря времени не теряли.

Въ полумилѣ отъ затонувшаго «Піонера» мы стали на якорь, такъ какъ рѣшили дальше пойти на гребной шлюпкѣ.

Олуэйсъ не могъ лѣзть подъ воду, такъ какъ страдалъ одышкой; Сандерсы, въ свою очередь, нашли какой-то пустяшный предлогъ, Якобсъ просто отказался,—пришлось мнѣ облачиться въ водолазный костюмъ и спуститься на морское дно.

Спускъ состоялся въ пятницу, на разсвѣтѣ. Помню все такъ ясно, точно не двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ! Теперь я—старикъ и ни на что нужное не гожусь, а тогда... О-о, тогда! Тогда самъ чортъ былъ мнѣ не братъ!

Вокругъ насъ ни души! Только бригъ, вода и прибрежный лѣсъ! И откуда эти лѣшіе появились,—до сихъ поръ ума не приложу. Мы до такой степени чувствовали себя въ полномъ одиночествѣ и безопасности, что молодой Сандерсъ распѣвалъ во

всю глотку. Готовились мы къ дѣлу неспѣшно и толково.

— Вотъ здѣсь и спускайтесь!—сказалъ мнѣ Олуэйсъ, когда я былъ совсѣмъ готовъ.

Лѣстницы у насъ на бригѣ не было, и, я безъ всякихъ промедленій прыгнулъ въ воду. Всѣ мои товарищи слѣдили за мной, и никому изъ нихъ въ голову не пришло оглянуться и узнать, что происходитъ за нашими спинами.

Я былъ полнѣйшимъ новичкомъ въ водолазномъ дѣлѣ и едва-едва управлялся въ надѣтомъ на меня громоздкомъ костюмѣ. О томъ, что меня ждетъ на днѣ, я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Только очутившись на днѣ, я понялъ, что одно дѣло—спуститься, а другое дѣло—работать на днѣ.

Стукнувшись объ обшивку «Піонера», на которомъ я зналъ всѣ закоулки, я минутъ пять провелъ въ философскомъ размышленіи о несчастномъ человѣческомъ удѣлѣ. Мнѣ все такъ живо припомнилось, что я съ трудомъ повѣрилъ, будто тѣхъ моихъ милыхъ товарищей, съ которыми я проплавалъ такъ много лѣтъ, уже нѣтъ въ живыхъ. Мнѣ, знаете-ли, съ самыхъ малыхъ лѣтъ свойственно этакое серьезное отношеніе къ жизни.

Долго было бы разсказывать, какъ я

провелъ время подъ водой; скажу лишь что, воспользовавшись точнѣйшими указаніями всезнайки Олуэйса, я добрался до ящика съ золотомъ, взялъ его подъ мышку и вышелъ на палубу. Пробывъ подъ водой свыше 25 минутъ, я страшно усталъ и, выйдя на палубу, присѣлъ отдохнуть, причемъ все время не выпускалъ изъ рукъ ящика съ золотомъ.

Вдругъ сверху донесся какой-то странный и весьма подозрительный шумъ. Ну, точно кто-то черпаетъ веслами воду. «Пожалуй, торопятъ подняться!»—подумалъ я и продолжалъ сидѣть. Спустя минуту, чуть-чуть не задѣвъ меня, пронесся и упалъ рядомъ со мной предметъ, въ которомъ я безъ всякихъ усилій призналъ слишкомъ знакомый мнѣ ножъ младшаго Сандерса. Недурная забава! Отклонись ножъ на одинъ дюймъ, мой гуттаперчевый нарядъ былъ бы перерѣзанъ,—и я погибъ бы!

Я немедленно сталъ подыматься кверху, какъ вдругъ что-то пребольно ударилъ меня по головѣ. Подумавъ, что столкнулся съ чудовищемъ-осьминогомъ, я поднялъ голову и увидѣлъ самыя опредѣленныя очертанія сапога. Мнѣ и тогда уже было извѣстно, что осьминоги не носятъ сапогъ —и я испугался. Неожиданный ударъ выбилъ изъ моихъ рукъ ящикъ съ золотомъ и, лишивъ устойчиваго равновѣсія, заставилъ меня

снова опуститься на дно. Вмѣстѣ со мной ко дну пошли самые диковинные предметы, — предметы тѣмъ болѣе диковинные, что были мнѣ прекрасно извѣстны.

Представьте себѣ мой ужасъ, когда я увидѣлъ на днѣ тѣло молодого Сандерса, превращеннаго въ рѣшето индѣйскими копьями! Ударившись о палубу корабля, я въ силу инерцiи поднялся кверху и тамъ стукнулся шлемомъ о дно лодки. Отклонившись въ сторону, я замѣтилъ, что нахожусь не подлѣ нашей шлюпки, а рядомъ съ пирогой, переполненной дикарями. Нѣсколько поодаль находилась другая, подобная же пирога, а между обѣими пирогами застряла наша злосчастная шлюпка.

Пробывъ надъ водой не свыше двухъ секундъ, я увидѣлъ еще, что Олуэйсъ, въ шею котораго вонзилось два копья, зашатался, потерялъ равновѣсiе и упалъ въ воду; вслѣдъ за нимъ ринулось нѣсколько индѣйцевъ.

Я нырнулъ, но тотчасъ же почувствовалъ, что начинаю задыхаться. Собравъ послѣднiя силы и снова опустившись на дно, я сталъ пробираться къ берегу,—причемъ все время держался подальше отъ мѣста крушенiя.

Лишь спустя десять минутъ, которыя воистину показались мнѣ десятью вѣками, я достигъ сравнительно безопаснаго мѣста.

Очутившись на берегу, я первымъ дѣломъ открылъ отверстія въ шлемѣ и глотнулъ чистаго воздуха; послѣ этого я сталъ озираться вокругъ и убѣдился, что судьба вынесла меня за какое-то возвышеніе, изъ-за котораго не было видно ни брига, ни шлюпки, ни пирогъ.

Отдохнувъ немного, я побѣжалъ по направленію къ лѣсу, гдѣ надѣялся найти временное и вѣрное убѣжище. Въ моемъ тогдашнемъ состояніи, съ мѣднымъ шлемомъ на головѣ и съ тяжелѣйшими, свинцовыми подошвами на гуттаперчевыхъ сапогахъ, я подвигался впередъ съ весьма относительной скоростью.

На полпути къ лѣсу я былъ открытъ, и въ одинъ мигъ окруженъ двумя десятками дикарей.

Моя душа, что называется, сразу перешла въ животъ, а оттуда въ пятки. Что мнѣ оставалось дѣлать? Ни взадъ, ни впередъ! Я остановился и сталъ ждать. Индѣйцы образовавъ кругъ весьма большого діаметра, тоже остановились въ выжидательномъ положеніи.

«Чего они уставились на меня?»—подумалъ я и вдругъ вспомнилъ про свой нарядъ.—«Ахъ, если такъ, то я вамъ покажу!»

Тутъ я отвернулъ кранъ отъ использованнаго воздуха, и меня вмигъ раздуло самымъ чудовищнымъ образомъ.

Дикари не на шутку струсили. Нѣкоторые бросились бѣжать, сломя голову, а другіе, павъ ницъ, стали подползать ко мнѣ съ видомъ провинившихся собакъ.

Я сразу опредѣлилъ свое положеніе и задралъ кверху голову, которая подъ чертовской тяжестью шлема все время опускалась на грудь. Растопыривъ руки, я медленно и торжественно двинулся на глупыхъ индѣйцевъ...

Сэръ, я не въ состояніи передать вамъ, что сталось съ ними. Отъ безумнаго страха они начали кувыркаться, прыгать, стонать, визжать и дѣлать знаки чему-то, или кому-то, находящемуся позади меня, въ морѣ.

Несмотря на свой страхъ, я медленно и съ большимъ достоинствомъ оглянулся. Двѣ пироги, до послѣдней степени переполненныя дикарями, тащили на буксирѣ «Гордость Бонни».

«Ну,—подумалъ я,—пропалъ я, какъ есть пропалъ».

Прислонился я къ дереву и сталъ ожидать своей печальной участи. Жду судьбы и молюсь: «Господи, помоги!» Многіе люди, никогда не видѣвшіе въ лицо смерти, смѣются надъ молитвами. Я скажу только одно: глупые это люди!

Спустя нѣсколько минутъ, вокругъ меня собралась вся орава, а я попрежнему съ вы-

сокоторжественнымъ видомъ продѣлываю самыя замысловатыя штуки.

Подумали дикари, поспорили, покричали, даже подрались и вдругъ начали какъ-бы плясать вокругъ меня и при этомъ выказывать мнѣ самые недвусмысленные знаки божескаго почитанія. Кое-кто изъ нихъ предложилъ мнѣ слѣдовать за собой по тропинкѣ, ведущей вдоль лѣса.

Набрался я духа и медленно выступилъ впередъ. Сколько времени мы шли, не знаю, такъ какъ я былъ очень утомленъ и едва отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ. Наконецъ мы прибыли на мѣсто и остановились передъ каменнымъ идоломъ, съ которымъ дикари, очевидно, хотѣли меня познакомить или подружить.

Желая придать себѣ пущей важности, я недолго думая, присѣлъ на каменнаго бога; при этомъ изъ водолазнаго аппарата съ густымъ баритональньымъ звукомъ вырвалась часть сгущеннаго воздуха. Тутъ мои дикари окончательно потеряли голову. Всѣ до единаго побросали свое оружіе и простерлись предо мной ницъ. Подобной кутерьмы, такого адскаго гвалта я въ жизни не слышалъ и молю Бога, чтобы мнѣ не привелось слышать. Хватитъ и одного раза!

Несмотря на это, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ страха, размышляя надъ грозившей мнѣ участью. Во-первыхъ, кто-нибудь

изъ индѣйцевъ могъ раньше видѣть меня безъ шлема и теперь открыть тайну моего превращенія. Къ тому же водолазный костюмъ слишкомъ стѣснялъ меня... Отвратительный запахъ гуттаперчи, сжатаго воздуха и морской тины кружилъ мнѣ голову, и я рисковалъ ежеминутно лишиться сознанія.

А дикари, ослѣпленные честью видѣть въ своей средѣ бога во плоти, и не думали угомониться; они разложили чуть ли не у самыхъ моихъ ногъ огромный костеръ, приволокли откуда-то окровавленную требуху и стали съ торжественнымъ воемъ поджаривать ее... Тутъ поднялась такая отчаянная вонь, что я окончательно лишился аппетита, который все время нестерпимо мучилъ меня.

Послѣ жертвоприношенія, на которомъ присутствовали исключительно мужчины, явились пребезобразныя женщины и дѣвушки и стали плясать вокругъ меня, — если можно назвать пляской отвратительныя и безстыдныя тѣлодвиженья. Не могу точно сказать, сколько времени продолжалась эта омерзительная церемонія; на мой взглядъ дикари кривлялись и визжали не менѣе 12 часовъ подъ-рядъ.

Я былъ утомленъ и сердитъ до послѣдней степени. Будь въ моихъ рукахъ хоть подобіе оружія, я, презрѣвъ опасность, бросился бы на дикарей; но я былъ совершенно безоруженъ; къ тому же слишкомъ сказы-

валась усталость, — и я продолжалъ сидѣть совершенно неподвижно, лишь изрѣдка вспоминая про свое высокое положеніе и продѣлывая тогда величественныя тѣлодвиженія.

Къ вечеру я вздохнулъ свободнѣе. Дикари либо сами устали, либо струсили надвигающейся темноты. Окруживъ меня массой совершенно ненужныхъ предметовъ, захваченныхъ на бригѣ, дикари снова развели у моихъ ногъ огонь и удалились на покой.

Оставшись въ одиночествѣ, я немедленно пробрался въ шалашъ, находящійся рядомъ съ каменнымъ идоломъ, открылъ отверстіе шлема, глубоко глотнулъ свѣжаго воздуха и задумался надъ своимъ довольно-таки необычнымъ положеніемъ. Прежде всего я снова сталъ испытывать адскія муки голода. Богъ знаетъ, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ ѣлъ! Что дѣлать? Не ѣсть—скверно и опасно для жизни... А ѣсть, т. е. попросить у дикарей чего-нибудь поѣсть, значитъ окончательно уронить свое божеское достоинство! Возможно, что въ окрестностяхъ шалаша я нашелъ бы какія-нибудь съѣдобныя вещества, но я рискую ежеминутно, ежесекундно наткнуться на кого-нибудь. Тогда снова начнутся нескончаемые религіозные обряды...

Подъ утро, когда, по моему убѣжденію, всѣ мои лютые почитатели

покоились въ крѣпчайшемъ снѣ, я прокрался въ индѣйское селеніе, гдѣ стащилъ какіе-то овощи, похожіе на артишоки, и крынку скисшаго молока. Кое-какъ утоливъ свой голодъ и вернувшись на прежнее мѣсто, я съ демонстративными цѣлями разложилъ вокругъ себя остатки пищи. «Знайте, молъ, что всего угоднѣе и пріятнѣе вашему богу и покровителю!»

Сдѣлавъ все, что счелъ нужнымъ, я сѣлъ на каменнаго идола, прислонился къ стѣнкѣ шалаша и крѣпко уснулъ. Утромъ дикари нашли своего бога въ той же позѣ, въ которой они покинули его наканунѣ.

Помилуйте, что мнѣ оставалось дѣлать! Я—человѣкъ, достаточно вѣрующій,—прекрасно понималъ, что совершаю святотатство, выдавая себя за бога... Но кому не дорога жизнь?

И этакъ я святотатствовалъ свыше четырехъ мѣсяцевъ. Теперь, когда это время давно прошло и кажется мнѣ неправдоподобнымъ сномъ, я могу смѣло и безъ лишней скромности сказать, что свою роль бога я проводилъ безукоризненно.

Съ тѣхъ поръ, какъ я явился дикарямъ, имъ везло отчаянно, и зажили они такъ счастливо какъ никогда. Все, что они затѣвали, удавалось имъ сверхъ ожиданій: хлѣба было такъ много, что даже скотъ отказывался его ѣсть. Война-ли начнется,—глядь,

а врагъ черезъ нѣсколько дней позорно разбитъ на-голову и проситъ мира. Поѣдутъ-ли на рыбную ловлю —возвращаются съ такимъ бѣшенымъ уловомъ, что лодки подъ тяжестью рыбы чуть ко дну не идутъ. Урожай въ тотъ годъ выдался необычайный. Однимъ словомъ, я оказался очень и очень недурнымъ богомъ. Если къ тому же вспомнить, что въ этомъ дѣлѣ я былъ новичкомъ, то ...

Вся бѣда въ томъ, что чѣмъ лучше жилось дикарямъ, тѣмъ хуже приходилось мнѣ. А виновнаго нѣтъ. Дикари на радостяхъ закатывали мнѣ такія длительныя и торжественныя церемоніи, что я неоднократно и серьезно задумывался надъ вопросомъ: «Ужъ не въ самомъ-ли дѣлѣ я—богъ, если способенъ выдержать такую адскую пытку?»

Напрасно было бы говорить о томъ, что я не приписывалъ своему вліянію всѣ успѣхи дикарей... Въ качествѣ бога—я оставался по-прежнему скромнымъ человѣкомъ. Воздаваемыя мнѣ божескія почести въ этомъ отношеніи нисколько не измѣнили меня. Но вотъ индѣйцы-то совершенно иначе смотрѣли на вещи, и источникъ своего благополучія видѣли только во мнѣ.

Время шло, да шло; прошло цѣлыхъ четыре мѣсяца. Сколько я за это время перенесъ? Господи, Боже мой! Почитай, въ

другое время и въ сорокъ мѣсяцевъ такъ не настрадаешься. Всего труднѣе было передавать дикарямъ мои желанія. Несмотря на то, что я кое-какъ могъ изъясняться на ихъ чертовскомъ нарѣчіи, я не разрѣшалъ себѣ такого пагубнаго самоуниженія. Необходимо было либо молчать, либо говорить безукоризненно. Избравъ первое, я сталъ испытывать новый родъ мученій, ибо съ ранняго утра до ночи неукоснительно слѣдилъ за собой, чтобы не слишкомъ жестикулировать и суетиться.

Наконецъ я придумалъ чертить на пескѣ символы моихъ желаній, причемъ оралъ и гудѣлъ самымъ немилосерднымъ образомъ. Когда дикари угадывали мои желанія, они исполняли ихъ съ громадной радостью. Вся штука была въ томъ, чтобы заставить ихъ угадать. Съ теченіемъ времени, мнѣ удалось разъяснить имъ, что я крайне нуждаюсь въ чемъ-то, вродѣ «Святая Святыхъ», гдѣ сталъ проводить большую часть дня въ самомъ невозмутимомъ покоѣ. Я все рѣже и рѣже показывался своимъ поклонникамъ, но въ минуты «явленій» я самъ поражался тому величію, съ какимъ принималъ знаки почитанія.

Признаться, я до сихъ поръ не вполнѣ уяснилъ себѣ, какимъ образомъ я выпутался изъ этой грязной исторіи. У меня вошло въ привычку—ежедневно, въ ожиданіи пред-

утреннихъ сумерокъ прохаживаться вдоль берега, откуда видны были проливъ и то мѣсто, гдѣ затонулъ «Піонеръ».

Однажды я набрался духу и попытался опуститься на дно, гдѣ все еще находился ящикъ съ золотомъ. Но благодаря непроглядной темнотѣ, подводнымъ камнямъ и морскимъ водорослямъ, я сбился съ пути и какимъ-то чудомъ выбрался невредимымъ на берегъ. Къ моменту моего возвращенія на берегу собралось множество дикарей, которые возсылали къ морю горячія молитвы о возвращеніи имъ благодѣтельнаго бога. Молитва ихъ была услышана—и радости ихъ не было конца!

Вскорѣ послѣ этого, довольно значительнаго событія, ко мнѣ явился миссіонеръ. Произошло это подъ вечеръ. Помню, сидѣлъ я въ хижинѣ и услышалъ шумъ голосовъ, которые съ каждой минутой звучали все явственнѣе. Вдругъ позади меня, за стѣной кто-то сказалъ по-англійски:

— Конечно, я не ошибся! Такъ и есть: они поклоняются идоламъ!

Сразу понявъ въ чемъ дѣло, я откинулъ отверстіе въ шлемѣ и по-англійски же отвѣтилъ:

— Совершенно вѣрно, вы не ошиблись. Мѣстные дикари—идолопоклонники. Но для того, чтобы познакомиться съ сортомъ идоловъ, вамъ слѣдуетъ пожаловать сюда!

Сначала все стихло, но спустя нѣсколько минутъ ко мнѣ съ библіей въ рукахъ вошелъ миссіонеръ. Видно было по всему, что представившееся ему зрѣлище ошеломило его.

— Ну, отче, какъ торгуете?—спросилъ я, желая пошутить.

Долженъ вамъ сознаться, что я вообще ненавижу этихъ господъ, а мой миссіонеръ оказался изъ ряда вонъ выходящимъ дуракомъ. Уставился онъ на меня, хлопаетъ ушами, моргаетъ глазами, клюетъ носомъ и вдругъ спрашиваетъ:

— А вы кто такой?

— Если хотите узнать, взгляните на мои подошвы.

Не долго думая, онъ повалился къ моимъ ногамъ, а дикари, собравшіеся у дверей, сразу подумали, что и миссіонеръ призналъ во мнѣ бога. Ха-ха! Съ тѣхъ поръ перевелись въ странѣ миссіонеры.

А все же я сглупилъ, что такъ плохо принялъ своего соотечественника. Поговори я съ нимъ толкомъ и сообщи про золото на днѣ морскомъ, и мнѣ кое-что перепало бы. А то онъ, хоть и глупъ былъ, все же сразу догадался, въ чемъ дѣло. Да и кто не догадался бы, увидѣвъ меня въ водолазномъ костюмѣ, около того мѣста, гдѣ затонулъ

«Піонеръ»... Вѣдь про «Піонера» тогда всѣ знали... Правда, я сглупилъ...

Не прошло и недѣли съ тѣхъ поръ, какъ меня посѣтилъ миссіонеръ, какъ я увидѣлъ изъ своей божницы судно, которое, видимо, пришло изъ Стэръ-Реса. Судно направлялось къ «Піонеру», мачта котораго по невѣдомымъ причинамъ вдругъ высунулась изъ воды.

Господи, никогда до и послѣ того я не злился и не проклиналъ себя такъ, какъ въ эту минуту. Всѣ мои труды пошли прахомъ!

— Нѣтъ, вы только подумайте!—вскричалъ мой собесѣдникъ.—Изъ-подъ самаго моего носа утащили сорокъ тысячъ фунтовъ золота! Здѣсь было отъ чего кипятиться!

— Значитъ, прибывшее судно достало золото съ морского дна?—спросилъ я.—И достало по указаніямъ миссіонера?

— Вотъ, въ томъ-то и дѣло! Какъ я потомъ узналъ, миссіонеръ со всей своей компаніей явился снова взглянуть на меня, но къ тому времени мой слѣдъ давно простылъ. Разъ золото подняли, какого чорта мнѣ было торчать на островѣ? Воспользовался я благопріятнымъ случаемъ—и исчезъ! Явился въ Банни чуть-ли не голый, что называется, безъ гроша въ карманѣ. А отецъ-миссіонеръ забралъ себѣ мою долю—

около восьми тысячъ фунтовъ. Полагаю, однако, что ему отъ осиротѣвшихъ индѣйцевъ солоно пришлось. Пойди, поищи другого такого благодѣтельнаго бога, какимъ былъ я, Господи, прости!..

КАКЪ МИСТЕРЪ ЛЭДБЕТТЕРЪ ОДНАЖДЫ ПРОВЕЛЪ КАНИКУЛЫ.

Мой другъ, мистеръ Лэдбеттеръ, представляетъ собой маленькаго, круглолицаго человѣка съ ангелоподобными голубыми глазами, добродушное выраженіе которыхъ кажется иногда черезъ-чуръ строгимъ, благодаря большимъ стекламъ очковъ. Его грубоватый голосъ и манера говорить крайне медленно, отчетливо, словно задумываясь надъ каждой фразой, дѣйствуютъ на нервныхъ людей самымъ раздражающимъ образомъ. Эту манеру изъясняться мистеръ Лэдбеттеръ усвоилъ себѣ еще со школьной скамьи. Въ настоящее время онъ—духовное лицо, страстнѣйшій игрокъ въ шахматы и, если вѣрить упорнымъ слухамъ, втайнѣ увлекается высшей математикой. До принятія духовнаго сана онъ былъ школьнымъ учителемъ.

Я знаю очень многихъ, которые удивляются дружбѣ мистера Лэдбеттера со мной,—

съ человѣкомъ, по ихъ мнѣнію, слишкомъ легкомысленнымъ и безпорядочнымъ.

Вотъ я и хочу разсказать, какимъ образомъ произошло наше сближеніе съ мистеромъ Лэдбеттеромъ.

Долженъ сказать, что самъ мистеръ Лэдбеттеръ хранитъ объ этомъ событіи упорное молчаніе. Это произошло очень давно; пожалуй, больше двадцати лѣтъ кануло въ вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ коварная, насмѣшливая судьба предала, такъ сказать, мистера Лэдбеттера въ мои руки.

Я жилъ тогда на Ямайкѣ, а мистеръ Лэдбеттеръ числился школьнымъ учителемъ въ Англіи. Во внѣшности моего друга за эти 20 лѣтъ не произошло никакихъ перемѣнъ; круглое лицо, круглыя, громадныя стекла очковъ, недоумѣнное и въ то же время строгое выраженіе лица, все это было у него 20 лѣтъ тому назадъ—осталось и посейчасъ; пожалуй, мистеръ Лэдбеттеръ сталъ аккуратнѣе; онъ обращаетъ теперь больше вниманія на свой костюмъ, хотя и понынѣ его галстухъ походитъ на все, что угодно, даже на согрѣвающій компрессъ, но не на настоящій галстухъ.

Мѣсто дѣйствія—Хидгертенъ, куда мистеръ Лэдбеттеръ прибылъ съ цѣлью отдохнуть и поправиться. Уже нѣсколько дней пребыванія на чистомъ воздухѣ до неузнаваемости измѣнили почтеннаго учителя и,

кромѣ того, сдѣлали его значительно болѣе общительнымъ. Онъ очень часто разговаривалъ со своимъ единственнымъ сожителемъ по пансіону, который оказался весьма разговорчивымъ собесѣдникомъ. Бесѣда не носила опредѣленнаго характера: разговаривали обо всемъ, но почему-то главнымъ образомъ о тлетворномъ вліяніи цивилизаціи, которая, прививъ человѣку очень много цѣннаго въ чисто-внѣшнемъ отношеніи, лишила его многихъ, не менѣе цѣнныхъ, внутреннихъ качествъ. Въ наше время жизнь поражаетъ своей банальностью, размѣренностью, просто скукой. Нѣтъ мѣста ни чудесамъ, ни геройскимъ подвигамъ, ни замѣчательнымъ приключеніямъ. Собесѣдникъ Лэдбеттера настаивалъ на томъ, что современный мужчина лишенъ всѣхъ тѣхъ специфическихъ качествъ, которыя даютъ ему право называться представителемъ сильнаго пола, а именно: мужества, храбрости и самоувѣренности. Мистеръ Лэдбеттеръ безпрекословно соглашался со всѣми предпосылками и выводами своего новаго знакомаго.

Вышло какъ-то разъ, что новые друзья разстались нѣсколько на-веселѣ,—каковой фактъ, однако, мистеръ Лэдбеттеръ упорно отрицаетъ. Во всякомъ случаѣ, они не были пьяны.

Выйдя на залитую луннымъ свѣтомъ улицу и направляясь за городъ къ вилламъ, раз-

бросаннымъ вдоль дороги, мистеръ Лэдбеттеръ съ грустью и большимъ сожалѣніемъ думалъ о томъ добромъ, старомъ времени, когда жизнь на землѣ была такъ прекрасна, полна приключеній, необыкновенныхъ событій, рыцарскихъ подвиговъ, любовныхъ исторій и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Въ концѣ-концовъ, зачѣмъ онъ живетъ? Что даетъ ему жизнь? Можетъ-ли быть что-либо безцвѣтнѣе его педагогической карьеры? Уходитъ день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ смѣняется годомъ,—и ничего новаго, никакого разнообразія! Отъ педагога не требуется ни храбрости, ни страстности, ни высокихъ чувствъ...

И вспомнить только, что были нѣкогда средніе вѣка,—чудесная эра разбоевъ, пытокъ, пылкихъ страстей, отважнѣйшихъ приключеній, дуэлей!.. Господи, какъ теперь все измѣнилось!

Вдругъ въ душѣ мистера Лэдбеттера возникли нѣкоторыя сомнѣнія. Собственно говоря, чего онъ такъ расхрабрился на словахъ? Способенъ-ли онъ, въ сущности, на геройскій подвигъ? Дѣйствительно-ли онъ жаждетъ того, чтобы исчезли всѣ современныя культурныя условія жизни, а съ ними вмѣстѣ—полиція, желѣзныя дороги, телеграфъ и личная безопасность?

Его новый другъ не переставалъ съ за-

вистью говорить о жизни современныхъ преступниковъ.

— Только они и живутъ въ наше время по настоящему,—говорилъ онъ.—Словно цивилизація прошла мимо нихъ, нисколько не коснувшись ихъ. Это цѣльныя мужественныя натуры! Вы подумайте только, какое геройство: выступить одному противъ всего свѣта!

Мистеръ Лэдбеттеръ сочувственно кивалъ головой и самымъ настоящимъ образомъ завидовалъ ворамъ и разбойникамъ, которымъ такъ чудесно живется на бѣломъ свѣтѣ.

Оставшись теперь наединѣ съ самимъ собою, мистеръ Лэдбеттеръ ясно и категорически поставилъ себѣ вопросъ: хватитъ-ли у него силъ, способностей и мужества на преступленіе?

Отвѣтъ былъ самый положительный. Онъ опредѣлилъ, что всегда отличался преступными наклонностями, которыя заглохли лишь потому, что имъ не давали хода.

Какъ разъ въ это мгновеніе онъ проходилъ мимо роскошной барской виллы, украшенной рядомъ балконовъ. Одна изъ балконныхъ дверей была раскрыта настежь.

«Въ состояніи-ли я прокрасться въ виллу и пройтись по ней отъ первой до послѣдней комнаты?».

Вотъ какимъ вопросомъ задался мистеръ Лэдбеттеръ.

«Ну, куда тебѣ! На такія дѣла ты неспособенъ!»—отвѣтилъ ему духъ сомнѣнія. Мистеръ Лэдбеттеръ вскипѣлъ и принялъ окончательное рѣшеніе.

Было одиннадцать часовъ вечера. Маленькій приморскій городокъ, залитый яркимъ луннымъ свѣтомъ, мирно уснулъ. Мистеръ Лэдбеттеръ нѣсколько разъ оглянулся по сторонамъ, наконецъ безшумно толкнулъ калитку, съ сильно бьющимся сердцемъ шмыгнулъ въ садъ и остановился подъ балкономъ съ раскрытой дверью.

«А вѣдь я нисколько не боюсь!»—убѣждалъ себя нашъ герой, набираясь силъ и храбрости для дальнѣйшихъ выступленій.

Взлѣзть на балконъ не представляло никакихъ затрудненій; однако, необходимо было торопиться, такъ какъ весь передній фасадъ виллы былъ ярко освѣщенъ луной. Послѣ нѣсколькихъ секундъ колебаній, мистеръ Лэдбеттеръ направился къ трельяжу, украшавшему балконъ, вскарабкался на него, перескочилъ черезъ рѣшетку балкона и, согнувшись въ три погибели, спрятался за высокую кадку съ цвѣтами. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, его сердце билось, какъ никогда, онъ едва переводилъ духъ, но душевное состояніе не оставляло желать ничего лучшаго. Онъ едва сдерживалъ себя

отъ того, чтобы не запѣть или не затанцовать отъ восторга.

Онъ прекрасно понималъ, что закончена лишь прелюдія дѣла. Теперь первымъ дѣломъ надлежало пройти въ дверь. На дверяхъ нѣтъ занавѣсокъ и, слѣдовательно, онѣ ведутъ не въ спальню. Можно пройти безъ всякой церемоніи.

Мистеръ Лэдбеттеръ сдѣлалъ шагъ впередъ, но немедленно отскочилъ назадъ. За порогомъ стояла высокая, грозная фигура. Разглядѣвъ черезъ минуту, что эта фигура —бронзовая и стоитъ на пьедесталѣ, мистеръ Лэдбеттеръ презрительно усмѣхнулся и вошелъ въ комнату. Оказалось, что онъ попалъ въ переднюю. Великолѣпная лѣстница, ступеньки которой были устланы пушистымъ, мягкимъ ковромъ, вела въ верхній этажъ; по сторонамъ площадки высились двѣ бронзовыя фигуры. Несмотря на полумракъ, мистеръ Лэдбеттеръ ясно понялъ, что попалъ въ очень богатый домъ.

Наконецъ-то свершилось! Онъ, никому не вѣдомый, заштатный народный учитель, сталъ героемъ, ибо презрѣлъ свѣтскія условности! Теперь начинается настоящая жизнь.

Пріютившись въ темномъ углу, онъ сталъ прислушиваться и озираться. Ему повсюду чудились тѣни и шорохи. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты донесся опредѣленный, ясный шумъ мягкихъ шаговъ. Мистеръ Лэдбет-

теръ, близкій къ обмороку, хотѣлъ было ринуться къ двери, но въ это время услышалъ у самыхъ своихъ ногъ тихое мурлыканье. Сообразивъ, что это кошка, преступникъ сразу ободрился, выпрямился и рѣшилъ продолжать начатую авантюру. Необходимо было что-нибудь стащить, украсть какую-нибудь незначительную вещь —сущій пустякъ, лишь бы убѣдиться въ своихъ преступныхъ способностяхъ и наклонностяхъ.

Но тутъ снова заговорилъ духъ сомнѣнія, духъ лукавый, который убѣдилъ мистера Лэдбеттера, что настоящій воръ не удовлетворился бы такимъ легкимъ дѣломъ. Воръ по призванію, богатырь тѣломъ и герой духомъ, прошелся бы по всѣмъ комнатамъ, взломалъ бы сундуки, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Тутъ нашъ герой медленно и горделиво поднялъ голову. Онъ вовсе не намѣренъ взламывать сундуки, но обязательно пройдется по всѣмъ комнатамъ. Отчего же не пройтись, тѣмъ болѣе, что всѣ, кажется, спятъ мертвецкимъ сномъ.

Онъ, едва дыша, сталъ медленно взбираться по лѣстницѣ. Останавливаясь на каждой ступенькѣ, судорожно сжимая то перила, то собственныя руки, онъ поднялся на верхнюю площадку лѣстницы, на которую выходило три двери. Одна изъ нихъ была пріоткрыта и за ней была видна спальня, залитая серебряннымъ свѣтомъ луны; у одной изъ

стѣнъ стояла кровать, покрытая бѣлымъ одѣяломъ.

Мистеръ Лэдбеттеръ вошелъ въ спальню, взялъ съ умывальника кусокъ мыла и, считая свою миссію законченной, хотѣлъ было пуститься въ обратный путь домой, но вдругъ положительно обмеръ.

Въ саду, за окномъ, послышались шаги, хрустя по песку, которымъ были усыпаны дорожки. Вслѣдъ затѣмъ кто-то повернулъ ключъ въ замкѣ входной двери и громко хлопнулъ ею; въ передней послышалось чирканье спичекъ.

«Господи, Боже мой, что сейчасъ будетъ?»—подумалъ мистеръ Лэдбеттеръ.

Тѣмъ временемъ внизу снова послышался какой-то стукъ, точно отъ удара тяжелымъ предметомъ объ уголъ стѣны и кто-то сталъ подниматься по лѣстницѣ, причемъ на перилахъ и потолкѣ заигралъ свѣтъ фонарика. Объ отступленіи нечего было и думать; несчастный воръ отъ страха закрылъ глаза.

Руководясь инстинктомъ самосохраненія, онъ снова шмыгнулъ въ спальню и спрятался за дверь. Здѣсь онъ оставался недолго и тотчасъ же полѣзъ подъ кровать. Не успѣлъ онъ кое-какъ устроиться подъ кроватью, какъ въ спальнѣ показался свѣтъ и по ковру забѣгали тѣни.

— Ну, и денекъ же выдался,—пробормо-

талъ вошедшій, поставивъ на столъ свѣчу и положивъ рядомъ съ ней, повидимому, тяжелую ношу.

Затѣмъ онъ подошелъ къ двери, заперъ ее на ключъ, опустилъ шторы на окнахъ и, тяжело дыша, сѣлъ на кровать.

— Ну, и денекъ выдался!—повторилъ онъ и, какъ показалось мистеру Лэдбеттеру, вытеръ потъ съ лица. Нѣсколько отдохнувъ, онъ раздѣлся, положилъ сюртукъ и жилетъ на спинку кровати и, бормоча что-то и изрѣдка посмѣиваясь, сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ.

Мистеръ Лэдбеттеръ тоже бормоталъ что-то подъ носъ, но не смѣялся. Читатель легко повѣритъ, что ему было не до смѣха. Ставъ на четвереньки, прижавъ голову къ полу, онъ увидѣлъ только коверъ, ножки столовъ и стульевъ и огромныя ноги человѣка, расхаживавшаго по комнатѣ.

Что дѣлать? Ждать-ли, пока хозяинъ уснетъ, и затѣмъ тихонько выбраться изъ дома? Но вѣдь при такихъ обстоятельствахъ легко разбудить хозяина и свернуть себѣ шею. Не лучше-ли будетъ сейчасъ же приподнять свисающую бахрому одѣяла, высунуть голову и въ краткихъ, но ясныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ объясниться съ хозяиномъ. Конечно, это будетъ нелегко, но можно начать, напримѣръ, слѣдудующимъ образомъ;

«Милостивый государь, г. хозяинъ! Вполнѣ согласенъ съ вами, что мое неожиданное появленіе изъ-подъ кровати должно вамъ показаться довольно страннымъ»...

Или можно начать такъ:

«Не скажу, сэръ, чтобы я, такъ же, какъ и вы, не находилъ чрезвычайно страннымъ, что я, честнѣйшій человѣкъ, вдругъ оказываюсь подъ кроватью другого, такого же».

Пожалуй, хозяинъ и не повѣритъ столь голословному увѣренію... Однако же, что будетъ, если его поймаютъ на мѣстѣ преступленія? Неужели совершенно не примутъ во вниманіе его доселѣ безупречную жизнь? Конечно, съ чисто формальной точки зрѣнія, онъ — воръ.... Но вѣдь необходимо принять во вниманіе тѣ обстоятельства, тѣ условія, тѣ соображенія, которыя... И мистеръ Лэдбеттеръ наскоро набросалъ планъ рѣчи, которую онъ долженъ будетъ произнести предъ присяжными засѣдателями.

Къ тому времени, какъ планъ былъ готовъ, хозяинъ пересталъ расхаживать по комнатѣ и началъ рыться во всѣхъ имѣющихся въ спальнѣ ящикахъ. Мистеръ Лэдбеттеръ въ надеждѣ, что его невольный мучитель сейчасъ ляжетъ спать, мысленно возблагодарилъ Бога, но сдѣлалъ это совершенно напрасно. Вмѣсто того, чтобы лечь спать, хозяинъ присѣлъ къ письменному сто-

лу, началъ писать, а затѣмъ рвать и жечь какія-то бумаги. Запахъ жженной бумаги, смѣшавшись съ густымъ ароматомъ сигары до того сильно раздражалъ слизистую оболочку носа мистера Лэдбеттера, что ему стоило неимовѣрныхъ усилій удержаться и не чихнуть.

Покончивъ съ бумагами, хозяинъ принялся за подсчетъ золотой монеты. Любопытство м-ра Лэдбеттера было возбуждено до крайней степени, несмотря на то, что отъ крайне неудобнаго положенія затекли всѣ члены его тѣла. Во избѣжаніе легко возможныхъ недоразумѣній, необходимо было немедленно перемѣнить положеніе. Стараясь двигаться совершенно безшумно, м-ръ Лэдбеттеръ устроился уже не вдоль, а поперекъ кровати. При этомъ передвиженіи его сапоги скрипнули,— и звяканье золота тотчасъ же прекратилось. Минуту спустя, оно возобновилось, но тотчасъ же снова прекратилось. Воцарилась мертвая тишина. Прошла минута, двѣ, три, пять... Ничто не нарушало тишины. Сердце Лэдбеттера било отчаянную тревогу.

Но что случилось съ хозяиномъ? Ужъ не умеръ ли онъ? Не поразилъ-ли его апоплексическій ударъ?

Необходимо взглянуть!

Мистеръ Лэдбеттеръ безшумно вытянулъ впередъ руку и приподнялъ бахрому

одѣяла... Та же ужасающая тишина... М-ръ Лэдбеттеръ увидѣлъ колѣни, сидѣвшаго за столомъ человѣка... Показался край стола,—а надъ нимъ блеснуло дуло огромнаго револьвера, направленнаго прямо въ лобъ м-ра Лэдбеттера.

— Живо, негодяй, вылѣзай! — совершенно спокойно произнесъ джентльменъ.— Нечего разсказывать, вылѣзай немедленно.

Несчастный такъ и сдѣлалъ.

— Руки вверхъ!—приказалъ хозяинъ.

Мистеръ Лэдбеттеръ опустился на колѣни и поднялъ вверхъ руки.

— Ишь ты какой! Со стороны можно подумать, что священникъ, а туда же, подъ кроват лѣзетъ. Тебѣ чего здѣсь надо?

Хозяинъ былъ невысокъ ростомъ, но коренастъ и широкоплечъ. Бѣлое, тщательно выбритое лицо заканчивалось крутымъ подбородкомъ. Говорилъ онъ не спѣша, густымъ басомъ и очень спокойно.

— Ну, говори-же, чего молчишь! Какъ ты попалъ подъ кровать?

Лицо м-ра Лэдбеттера попыталось изобразить легкую, заискивающую улыбку. Онъ хотѣлъ было вспомнить тѣ рѣчи, которыя приготовилъ, лежа подъ кроватью,—но отъ нихъ не осталось и слѣда. Ни слѣда!

— Конечно, сэръ, я вполнѣ понимаю...— началъ онъ. Но хозяинъ тотчасъ же прервалъ его.

— Ахъ, каналья! А что такое у тебя въ рукѣ? Ни съ мѣста! Мыло?! Вотъ такъ штука!

— Да, сэръ, это мыло, простое мыло съ вашего умывальника,—произнесъ м-ръ Лэдбеттеръ, едва слышно и весь дрожа. — Конечно, сэръ, я понимаю...

— Молчать!—прикрикнулъ хозяинъ.—Я самъ вижу, что это мыло, и совершенно не понимаю...

— Позвольте же мнѣ разъяснить вамъ...

— Нечего разъяснять! И такъ ясно, что ты солжешь. Сообщники есть! Гдѣ они?

— Позвольте мнѣ сказать два слова.

— Я спрашиваю, гдѣ твои сообщники! Говори, гдѣ твои сообщники, или я сейчасъ же застрѣлю тебя, какъ собаку.

— Ихъ нѣтъ!—пролепеталъ м-ръ Лэдбеттеръ.

— Навѣрное врешь! — произнесъ хозяинъ.—Но если ты лжешь, ты дорого поплатишься за это. Ишь ты, что выдумалъ! Подъ кровать залѣзъ!

— Я, право, не знаю, какъ доказать вамъ мое alibi, — сказалъ несчастный, желаю научнымъ, юридическимъ терминомъ показать, что онъ образованный и интеллигентный человѣкъ.

Во время послѣдовавшей паузы м-ръ Лэдбеттеръ успѣлъ мелькомъ оглядѣть комнату. Его вниманіе привлекъ, главнымъ образомъ,

столъ, на которомъ въ громадномъ количествѣ и большомъ порядкѣ были разставлены столбики золотыхъ монетъ —такого количества золота м-ръ Лэдбеттеръ никогда не видывалъ! На креслѣ лежала груда бумагъ, а поверхъ нихъ большой кожаный портфель.

Молчаніе продолжалось.

— Ради Бога, позвольте мнѣ опустить руки,—взмолился м-ръ Лэдбеттеръ.—Мнѣ очень тяжело оставаться въ такомъ положеніи. Увѣряю васъ, что меня самого очень смущаетъ это двусмысленное положеніе.

— Какое такое двусмысленное положеніе! — воскликнулъ хозяинъ и расхохотался.—Ты самый настоящій и вовсе недвусмысленный воръ.

— Конечно, если посмотрѣть на дѣло съ чисто формальной точки зрѣнія... —началъ м-ръ Лэдбеттеръ, но въ это мгновеніе у него свалились очки съ носа, и онъ отъ неожиданности подался впередъ и опустилъ руки.

Курокъ револьвера щелкнулъ, но выстрѣла не послѣдовало.

— Ну, твое счастье, что осѣчка! Былъ бы тебѣ капутъ.

М-ръ Лэдбеттеръ выглядѣлъ такъ, точно пришелъ послѣдній часъ его жизни.

— Ну, чего дрожишь? Богъ спасъ тебя —ну и благодари Его. Ишь ты какой, тоже въ воры лѣзетъ. Какой-же изъ тебя

воръ выйдетъ? Тебѣ бы учителемъ или пасторомъ быть.

— Сэръ, смѣю васъ увѣрить...—съ громаднымъ усиліемъ началъ м-ръ Лэдбеттеръ.

— Ахъ, да довольно тебѣ увѣрять меня! Я и безъ тебя все знаю. Только вотъ не знаю, что мнѣ съ тобой дѣлать. Позвать полицію,—волокита будетъ. Это можетъ повредить мнѣ. Связать и оставить тебя здѣсь?—тоже не подходитъ. Завтра тебя найдутъ —и все откроется. Убить тебя—попадешь на висѣлицу.

Онъ задумался.

— Ну, вотъ что мы сдѣлаемъ,—сказалъ онъ наконецъ. — Прежде всего надо обыскать тебя, нѣтъ ли при тебѣ оружія.

— Никакого оружія, клянусь Богомъ!

— Молчать!—вскричалъ хозяинъ и, спустя двѣ минуты, прибавилъ,—правда, никакого оружія нѣтъ. Ну, братецъ, какой-же ты воръ! На дѣло идешь, а ножа не захватилъ съ собой. Вѣдь все можетъ случиться. Ну, вставай!

Хозяинъ, не опуская револьвера, заставилъ м-ра Лэдбеттера снять пиджакъ, засучить рукава рубашки и уложить въ портфель, чемоданъ и футляръ отъ шляпы всѣ золотыя и бумажныя деньги. Мистеръ Лэдбеттеръ обратилъ вниманіе на то, что хозяинъ торопился и даже проявлялъ нѣкото-

рое волненіе, что совершенно не соотвѣтствовало его солидной внѣшности.

Безъ десяти минутъ двѣнадцать все было готово. Ключи отъ портфеля и чемодана были вручены хозяину, который снисходительно взглянулъ на своего помощника.

— По всему видно, что вы, до извѣстной степени, даже интеллигентный человѣкъ,—сказалъ хозяинъ и замахалъ руками, видя, что м. Лэдбеттеръ хочетъ говорить.— Не надо говорить, не надо врать! Я самъ слишкомъ много вралъ на своемъ вѣку для того, чтобы интересоваться чужимъ враньемъ. Достаточно съ васъ того, что я нахожу васъ приличнымъ и даже благообразнымъ человѣкомъ. Какъ другъ, совѣтую вамъ бросить воровское ремесло и пойти въ священники. Прежде всего долженъ указать вамъ на то, что вы—трусъ.

— Совершенно вѣрно! Вотъ именно по этому поводу...

— Да молчите-же, ради Бога! Не вамъ, такому слюнтяю, заниматься воровствомъ. Вотъ взгляните на меня. Ну, какъ по вашему, откуда я взялъ столько золота? Неужели вы думаете, что я заработалъ его честнымъ трудомъ? Да ничего подобнаго! Постойте... Бьетъ полночь. Мнѣ некогда съ вами больше разговаривать.

Съ этими словами онъ взвалилъ на плечи м-ра Лэдбеттера довольно тяжелый чемоданъ

и заставилъ его взять въ одну руку портфель, а въ другую футляръ отъ шляпы. Самъ онъ, по прежнему не выпуская изъ рукъ револьвера, шелъ сзади и изрѣдка на поворотахъ помогалъ м-ру Лэдбеттеру.

У выхода хозяинъ далъ своему помощнику немного отдохнуть. М-ръ Лэдбеттеръ въ полномъ изнеможенiи упалъ на чемоданъ; вдругъ за дверью послышался слабый стукъ и въ переднюю вошелъ молодой человѣкъ съ громадной шевелюрой въ костюмѣ спортсмена. При видѣ м-ра Лэдбеттера молодой человѣкъ испуганно попятился, но хозяинъ сейчасъ-же его успокоилъ.

— Не бойся, это — мой помощникъ — воръ, котораго я поймалъ у себя подъ кроватью и хочу исправить. Хоть онъ и глупъ, но все-таки пригодится намъ, хотя бы въ качествѣ носильщика. Ну, а теперь за дѣло! Не будемъ терять времени понапрасну.

Всѣ трое вышли въ садъ и направились къ обрыву, съ края котораго ветхая деревянная лѣстница вела къ берегу моря; у послѣдней ступеньки виднѣлась купальная будка.

— Позвольте только два слова...—произнесъ м. Лэдбеттеръ, увидя около купальни ботъ и какого-то маленькаго человѣчка на рулѣ. Вы тотчасъ-же сами убѣдитесь...

Кто-то изъ шедшихъ сзади далъ ему подзатыльникъ, и несчастная жертва собствен-

наго неблагоразумія молча свалилась въ лодку.

По дорогѣ отъ берега къ бригу м-ръ Лэдбеттеръ какъ-то умудрился упасть въ море; его вытащили за волосы и потомъ избили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

Онъ былъ до того подавленъ, что совершенно потерялъ счетъ днямъ, проведеннымъ имъ на грязномъ бригѣ, управляемомъ какими-то подозрительными, восточными людьми. Даже по истеченіи большого промежутка времени м-ръ Лэдбеттеръ не могъ вполнѣ спокойно разсказать, какъ онъ провелъ время на морѣ. Общее заключеніе можно было вывести только по отдѣльнымъ разсказамъ.

Надо думать, что несчастный немало перенесъ. Несмотря на всѣ старанія, ему не удалось разсказать м-ру Бингаму —такъ звали человѣка, котораго онъ хотѣлъ «обокрасть» — какимъ образомъ онъ очутился подъ его кроватью.

На 21-й день по отъѣздѣ изъ Англіи, м-ра Лэдбеттера высадили на небольшой, по виду необитаемый, островъ. М-ръ Бингамъ, проводивъ его до самаго берега, не переставалъ давать ему благоразумные и спасительные совѣты и по прежнему не желалъ выслушивать никакихъ объясненій.

— Но клянусь вамъ всѣмъ святымъ, что

я—не воръ!—крикнулъ наконецъ м-ръ Лэдбеттеръ.

— Самъ знаю! Вы не только не воръ, но и никогда имъ не будете. Ваша индивидуальность совершенно не соотвѣтствуетъ этому занятію. Избирая себѣ профессію, каждый человѣкъ долженъ считаться со своими индивидуальными особенностями и темпераментомъ — только въ этомъ залогъ счастья и благополучія! Для примѣра позвольте разсказать вамъ про себя. Всю свою жизнь я прослужилъ въ банкѣ, былъ даже директоромъ банка, обезпеченнымъ человѣкомъ—и все же не считалъ себя счастливымъ. Почему? Очень просто? Да потому что этого рода дѣятельность совершенно не соотвѣтствуетъ моему темпераменту. Я для этого слишкомъ подвиженъ, экспансивенъ, слишкомъ авантюристъ въ душѣ. Послѣ долгаго раздумья я поступилъ такъ, какъ мнѣ подсказывалъ мой инстинктъ, и увѣренъ, что теперь заживу по настоящему. Вдумайтесь въ мое настоящее положеніе и постарайтесь воспользоваться моимъ примѣромъ. На мой взглядъ самое настоящее для васъ занятіе—филантропія. Я оставляю васъ на необитаемомъ островѣ, но, вѣроятно, кто-нибудь подберетъ васъ. Провизіи вамъ хватитъ. Вотъ вамъ полъ-соверена звонкой монетой. Эти деньги помогутъ вамъ когда-нибудь встать на ноги. Главнымъ образомъ, старай-

тесь разумно тратить эти деньги и всегда помнить, что ваша жизнь еще впереди. Весьма возможно, что вы теперь на поворотномъ пунктѣ своей карьеры. Всего лучшаго! Не трудитесь объяснять—мнѣ некогда васъ слушать. Прощайте!

Мистеръ Лэдбеттеръ, который еще такъ недавно горевалъ объ отсутствіи въ наше время замѣчательныхъ приключеній, провелъ эту ночь подъ открытымъ небомъ на скалахъ необитаемаго острова.

Нѣсколько дней спустя. какой-то индѣецъ — рыбакъ, случайно попавшій на островъ, отвезъ м-ра Лэдбеттера въ Сенъ-Винцентъ, откуда тотъ уже на свой счетъ переправился въ Кингстоунъ. Здѣсь онъ и пропалъ бы безъ вѣсти, такъ какъ былъ слишкомъ непрактичнымъ человѣкомъ. Онъ обратился было къ мѣстнымъ священникамъ, но тѣ съ открытымъ недовѣріемъ отнеслись къ его неправдоподобному разсказу и оказывали ему слишкомъ незначительную помощь.

Тутъ-то мы и встрѣтились съ нимъ. Это было въ одинъ изъ моихъ свободныхъ вечеровъ, когда я порядкомъ скучалъ. Характерная фигура м-ра Лэдбеттера сразу привлекла мое вниманіе. Замѣтивъ мой пристальный взглядъ м-ръ Лэдбеттеръ заговорилъ съ самымъ смущеннымъ видомъ:

— Не угодно-ли вамъ будетъ, сэръ, выслушать мою крайне невѣроятную исторію.

— Невѣроятную?—спросилъ я.

— Да, сэръ, совершенно невѣроятную, которая тѣмъ не менѣе правдива отъ начала до конца.

Онъ въ волненіи замолчалъ и своимъ открытымъ, честнымъ взглядомъ и искренностью тона подкупилъ меня въ свою пользу.

— Кстати,—сказалъ я,—вы уже обѣдали сегодня?

— Я уже давно не обѣдалъ.

— Ну, тогда вы разскажете мнѣ свою исторію за обѣдомъ.

М-ръ Лэдбеттеръ разсказывалъ слишкомъ безхитростно для того, чтобы я могъ заподозрить его въ шантажѣ.

Пріютивъ его у себя, я пріодѣлъ его, затѣмъ посадилъ на отходящій въ Лондонъ пароходъ и снабдилъ небольшой суммой денегъ.

Спустя пару недѣль. я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«Милостивый и уважаемый сэръ! Прежде всего я снова хочу поблагодарить васъ за вниманіе и помощь человѣку, Вамъ совершенно неизвѣстному. Благодаря Вамъ, я могъ вернуться къ началу занятій и не потерять мѣста. Тѣмъ не менѣе положеніе мое продолжаетъ оставаться довольно двусмысленнымъ. По наведеннымъ мной точнымъ справкамъ, я оказываюсь виновнымъ не

только въ нарушеніи неприкосновенности чужого жилища, но и въ пособничествѣ воровству. Оказывается, что м-ръ Бингамъ, директоръ Хидергетскаго банка, пользуясь своимъ положеніемъ, укралъ изъ банка громадную сумму денегъ. Всего печальнѣе то, что ни тетушка, ни ея другъ, у котораго я остановился во время пребыванія въ Хидергетѣ, совершенно не вѣрятъ моимъ разсказамъ и обвиняютъ меня Богъ знаетъ въ какихъ похожденіяхъ. Тяжесть моего положенія усугубляется тѣмъ, что я никакъ не могу подыскать резонное объясненіе для своего путешествія на Ямайку. Обращаюсь, сэръ, къ Вамъ. Зная вашу доброту...».

Въ концѣ м-ръ Лэдбеттеръ слезно молилъ уничтожить это письмо.

Вотъ какъ м-ръ Лэдбеттеръ провелъ каникулы лѣтъ двадцать тому назадъ. Какъ я узналъ впослѣдствіи, никакихъ осложненій не произошло, и передъ самой смертью тетушка м-ра Лэдбеттера простила племянника который возымѣлъ однажды несчастную мысль доказать, что всѣмъ людямъ нашего вѣка свойственны горячіе порывы и любовь къ необыкновеннымъ приключеніямъ.

ГРИБЫ.

Мистеру Кумбу надоѣло жить.

Ему надоѣло все на свѣтѣ — и всего больше домашній очагъ, отъ котораго онъ теперь ушелъ, куда глаза глядятъ. Онъ свернулъ къ мосту, перешелъ его и направился по дорогѣ къ сосновымъ лѣсамъ.

По дорогѣ онъ то и дѣло повторялъ, что дольше не намѣренъ выносить все это и подкрѣплялъ свое рѣшеніе столь отборными ругательствами, что не оставалось никакихъ сомнѣній въ серьезности его намѣреній.

Въ далекое, невозвратное время мистеръ Кумбъ славился своей замѣчательной, чисто военной выправкой; теперь же жена прозвала его «коротконожкой» — и надо сознаться, что названіе это было дано довольно мѣтко. Мистеръ Кумбъ былъ теперь маленькимъ, черненькимъ человѣчкомъ, который питалъ пристрастіе къ свѣтло-коричневымъ перчаткамъ, совершенно не соотвѣтствующимъ его общему потертому виду.

Размолвки между супругами Кумбъ сдѣ-

лались обычнымъ явленіемъ и происходили по самымъ разнообразнымъ поводамъ.

Сегодня причиной ссоры была сумасшедшая миссъ Дженъ, подруга мистриссъ Кумбъ. Эта особа отличалась удивительной способностью выводить изъ себя мистера Кумба и, являясь безъ приглашенія регулярно каждое воскресенье, портитъ ему этотъ единственный свѣтлый день въ недѣлѣ.

Сегодня безъ особаго на это разрѣшенія, она притащила съ собой какого-то субъекта, такого-же сумасшедшаго и крикливаго, какъ она сама.

Мистеръ Кумбъ за обѣдомъ не проронилъ ни слова, несмотря на то, что въ его груди бушевала настоящая буря. Но терпѣнію его пришелъ конецъ, когда миссъ Дженъ, не взирая на воскресный день, усѣлась за піанино и стала играть самыя легкомысленныя пьески. Что скажутъ, что подумаютъ сосѣди? Вѣдь всѣ станутъ обвинять только его, хозяина, который разрѣшаетъ въ своемъ домѣ подобное безпутство!

Нѣтъ, дольше молчать онъ не въ состояніи! Необходимо во что бы то ни стало что-либо предпринять. Онъ поблѣднѣлъ, по всему тѣлу у него прошла лихорадочная дрожь. Тѣмъ не менѣе онъ еще владѣлъ собой и произнесъ довольно вѣжливо, лишь съ самымъ незначительнымъ оттѣнкомъ предостереженія:

— Если не ошибаюсь, сегодня — воскресенье...

Тутъ у него захватило дыханіе. Но, какъ оказалось, изъ-за шумной музыки никто изъ присутствующихъ не разслышалъ его замѣчанія. Тогда онъ повторилъ ту же фразу громче и тономъ угрозы.

Миссъ Дженъ продолжала играть, а мистриссъ Кумбъ, сверкнувъ змѣиными глазками, зашипѣла:

— Опять? Опять задираешь? Что-жъ, по твоему развлекаться въ воскресенье— грѣхъ? Ханжа!

— Есть развлеченіе и развлеченіе! Мнѣ лично непріятно слышать въ своемъ домѣ въ воскресенье музыку.

Миссъ Дженъ, точно почуявъ, что рѣчь идетъ о ней, повернулась такъ стремительно, что подъ ней завизжалъ стулъ.

Мистеръ Кумбъ загорѣлся моментально, какъ всѣ застѣнчивые и нервные люди.

— Попрошу васъ, миссъ, поосторожнѣе обращаться съ чужими вещами!—запищалъ онъ.—У меня стулья не казенные; за нихъ плочены деньги... Вамъ слѣдовало бы помнить про свой вѣсъ...

— Причемъ тутъ мой вѣсъ?—вскипѣвъ, воскликнула миссъ Дженъ.—Я слышала, что вамъ будто бы непріятна моя музыка...

— Очевидно мистеръ Кумбъ противъ музыки въ воскресный день! — жеманясь и

картавя, произнесъ непрошенный гость и презрительно улыбнулся.

— Да, противъ! — взвизгнулъ мистеръ Кумбъ.

— Могу освѣдомиться о мотивахъ? — развязно, чувствуя себя господиномъ положенія, спросилъ молодой человѣкъ.

Только теперь мистеръ Кумбъ обратилъ вниманіе на то, что гость былъ въ сѣромъ костюмѣ. Увидя въ этомъ личную для себя обиду, мистеръ Кумбъ окончательно закусилъ удила.

— Мотивовъ нѣтъ! Мнѣ просто не нравится—и больше ничего! Кромѣ того,—онъ выразительно взглянулъ при этомъ на сѣрый костюмъ молодого человѣка, — я считаюсь со всѣми требованіями, которыя предъявляетъ къ намъ, отдѣльнымъ личностямъ, общество. Мои взгляды...

— Мнѣ надоѣло слушать про твои взгляды! — вмѣшалась въ разговоръ мистриссъ Кумбъ.

— А если тебѣ не нравились мои вгляды, такъ нечего было и замужъ идти за меня... Зачѣмъ ты пошла за меня?

— Что называется, вопросъ ребромъ!— сказала миссъ Дженъ и повернулась лицомъ къ піанино.

Едва только музыка возобновилась, какъ мистеръ Кумбъ стукнулъ кулакомъ по столу:

— Заявляю, что не потерплю этого безобразія. Кто здѣсь хозяинъ?

— Но полагаю, что до насилій надъ нами дѣло не дойдетъ!—сказалъ гость, приподнимаясь съ дивана.

— А вамъ что угодно?—огрызнулся хозяинъ.—Собственно говоря, кто васъ звалъ сюда?

Тутъ заговорили всѣ сразу.

Молодой человѣкъ назвался женихомъ миссъ Дженъ и заявилъ, что ни за что на свѣтѣ не дастъ ее въ обиду; миссъ Дженъ въ свою очередь заявила, что не дастъ въ обиду своего горячолюбимаго жениха; мистриссъ Кумбъ, стараясь перекричать всѣхъ, назвала мужа старикашкой и коротконожкой; мистеръ Кумбъ, надрывая горло, предложилъ всѣмъ немедленно убраться вонъ изъ его дома; когда же его приказъ не возымѣлъ никакого дѣйствія, онъ рѣшилъ, что ему необходимо самому, какъ можно скорѣе, убраться изъ этого «богопротивнаго вертепа».

Со слезами на глазахъ онъ выбѣжалъ въ переднюю и мучительно долго возился съ пальто, не попадая отъ волненія рукой въ рукавъ. Шумъ въ гостиной росъ съ каждой секундой; молодой человѣкъ и мистриссъ Кумбъ словно задались цѣлью перекричать другъ друга, но ихъ голоса съ успѣхомъ покрывала миссъ Дженъ, которая извлекала

изъ несчастнаго піанино положительно громовые звуки.

Выйдя на улицу, мистеръ Кумбъ такъ хлопнулъ дверью, что всѣ стекла задрожали въ домѣ.

Послѣ вышеописаннаго станетъ вполнѣ понятно, почему наскучивъ жизнью, несчастный герой сей повѣсти рѣшилъ покончить всѣ счеты съ существованіемъ.

Стоялъ хмурый октябрь. Дорожки были совершенно мокрыя. Вся земля въ лѣсу была завалена опавшими листьями и поросла грибами. Мистеръ Кумбъ цробирался по лѣсу и вновь переживалъ всю печальную эпоху своей безсмысленной женитьбы. Теперь у него не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, что жена вышла за него замужъ только по разсчету.

Еще раньше можно было кое-какъ мириться съ ней. Мистриссъ Кумбъ была изъ бѣдной семьи и не предъявляла большихъ требованій. Но съ тѣхъ поръ, какъ объявилась миссъ Дженъ, все въ домѣ пошло вверхъ дномъ. Начались разсказы о «настоящей жизни», о разныхъ кавалерахъ, балахъ, театрахъ. А вслѣдъ за миссъ Дженъ появились и другіе родственники, которые положительно объѣдали несчастнаго мистера Кумба.

Въ это воскресенье отчаяніе бѣднаго мужа достигло крайнихъ предѣловъ. Весьма

возможно, что особое вліяніе оказали скверный обѣдъ и не менѣе скверная октябрьская погода.

Мистеръ Кумбъ принялъ окончательное рѣшеніе покончить съ собой и вполнѣ естественно, что всѣ его мысли были направлены на бритвы, револьверы, кухонные ножи, яды, письма къ прокурору и т. д., и т. д.

Прошло нѣкоторое время, и мысли мистера Кумба приняли нѣсколько иное направленіе. Возмущеніе и гнѣвъ смѣнились тихой меланхоліей. Онъ взглянулъ на свой сюртукъ и вдругъ вспомнилъ, что именно въ немъ онъ и вѣнчался.

И вдругъ ему припомнились далекіе, чудесные дни, когда любовь только-только постучалась къ нему —вспомнились безконечныя прогулки въ этомъ же лѣсу, безмятежныя, розовыя надежды на прекрасное и, во всякомъ случаѣ, покойное будущее.

Какъ все это быстро прошло! Было-ли это въ дѣйствительности? Гдѣ любовь? Гдѣ слѣды любви?

Нѣтъ ничего... Можетъ быть, въ дѣйствительности ничего и не было... Но, во всякомъ случаѣ, вся жизнь не стоитъ и пенни... И дуракъ тотъ, кто узнавъ цѣну жизни, продолжаетъ жить! Дуракъ и трусъ!

Мистеръ Кумбъ оглянулся, увидѣлъ глубокую канаву съ перекинутымъ черезъ нее мостикомъ и съ грустью подумалъ, что не

смотря на свой малый ростъ, не сможетъ здѣсь утонуть. Совершенно неожиданно его блуждающій взглядъ упалъ на прекрасный, ярко-красный грибъ. Взглядъ его скользнулъ по грибу, оторвался отъ него и снова вернулся къ нему.

Мистеръ Кумбъ подумалъ-подумалъ, наклонился и сорвалъ грибъ, въ которомъ онъ призналъ ядовитый мухоморъ. Отъ толстаго, рыхлаго гриба исходилъ сильный, одуряющій непріятный запахъ.

Послѣ непродолжительнаго раздумья, мистеръ Кумбъ отломилъ головку гриба. Мѣсто излома въ первую минуту молочнобѣлаго цвѣта тотчасъ же пожелтѣло, а затѣмъ позеленѣло и почернѣло. Всѣ доказательства сильной ядовитости были на-лицо. Онъ отломилъ съ тѣми же результатами еще нѣсколько кусочковъ.

Разъ орудіе смерти нашлось — нечего медлить. Все равно, рано или поздно придется такъ кончить...

Онъ отправилъ въ ротъ микроскопическую часть гриба и сталъ легонько разжевывать его... Запахъ, правда, отвратительный, но на вкусъ ничего — остро, довольно вкусно!

За первымъ кусочкомъ послѣдовалъ второй... третій... четвертый. Мистеръ Кумбъ долженъ былъ признаться, что, дѣйствительно, смерть иногда приходитъ въ удиви-

тельно легкой и пріятной формѣ. Увлекшись новымъ дѣломъ, онъ почти что успокоился и даже забылъ про поводъ къ самоубійству. Словно шутя со смертью, онъ съѣлъ весь грибъ, безъ остатка.

Быстрѣе забился пульсъ, по тѣлу стала проходить частая и пріятная дрожь, загудѣло въ ушахъ, засверкали глаза, ноги начали выводить какія-то замысловатѣйшія фигуры, а языкъ безъ устали завертѣлся во рту.

— Чооортъ!.. Недддурнааа штттука! — воскликнулъ мистеръ Кумбъ, покачиваясь на ногахъ и дико вращая выпученными глазами.—Попробую еще!

Увидѣвъ неподалеку яркія головки грибовъ, онъ направился къ нимъ, но, не дойдя до цѣли, покачнулся, упалъ ничкомъ и потерялъ сознаніе.

Однако, онъ скоро пришелъ въ себя, приподнялся и началъ усердно чистить испачкавшуюся въ грязи шляпу. Послѣ того сталъ протирать глаза, словно желая припомнить все, что съ нимъ случилось.

Что-то какъ будто вышло? Кажется, поругался съ женой? Даже—Господи прости! —хотѣлъ покончить съ собой?

Ахъ, какая ерунда!

Мистеръ Кумбъ чувствовалъ себя въ необыкновенно веселомъ настроеніи. Отъ горя не осталось и слѣда! Онъ вдругъ безъ

всякой причины расхохотался во все горло, весело хлопнулъ себя по бедрамъ и живо вскочилъ на ноги.

Ахъ, какая ерунда!

Онъ рѣшилъ немедленно вернуться домой и разсказать женѣ про приключившуюся съ нимъ забавную исторію. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мистеръ Кумбъ остановился и оглянулся.

— Пожалуй, не мѣшаетъ захватить съ собой нѣсколько грибковъ... Пусть и они тамъ попробуютъ, что это за штука!.. Вѣдь, отъ нихъ становится невѣроятно хорошо на душѣ!

Онъ готовъ былъ заплясать отъ восторга, но вдругъ устыдился... У него тотчасъ же мелькнула геніальная мысль, которую онъ немедленно привелъ въ исполненіе. Мысль эта заключалась въ томъ, чтобы вывернуть рукава пальто наизнанку, сдѣлать въ концѣ узелъ, наполнить ихъ грибами и, перебросивъ пальто черезъ плечо, въ такомъ видѣ явиться домой.

Сказано—сдѣлано!

**
*

Едва только мистеръ Кумбъ выбѣжалъ изъ комнаты на улицу, миссъ Дженъ перестала играть, повернулась лицомъ къ подругѣ и сказала:

— Какъ твоему мужу не стыдно!

— Ну, вотъ теперь ты сама убѣдилась

во всей прелести моей семейной жизни! — воскликнула хозяйка и прослезилась.

— Ахъ, стоитъ-ли въ концѣ концовъ обращать на это вниманіе! — воскликнулъ женихъ миссъ Дженъ, мистеръ Кларенсъ.

— И не говорите лучше! — все болѣе волнуясь, отвѣтила мистриссъ Кумбъ. — Чѣмъ такъ жить, лучше двадцать разъ умереть...

Долго, почти до самаго вечера, мистриссъ Кумбъ распространялась о необычайныхъ недостаткахъ своего мужа. Авторъ не въ состояніи передать деталей и особенностей этого повѣствованія; неопытнымъ мужьямъ все равно ничего не втолкуешь, а опытные мужья и безъ сообщенія деталей разсказа мистриссъ Кумбъ знаютъ, на что способны разсвирѣпѣвшія жены.

Стемнѣло; хозяйка отправилась приготовлять чай для гостей; воспользовавшись этимъ, миссъ Дженъ присѣла поближе къ жениху. Совершенно неизвѣстно, чѣмъ занималась эта молодая парочка, но мистриссъ Кумбъ, войдя въ комнату со всѣми необходимыми принадлежностями для чая, воскликнула на порогѣ:

— Ай, ай! Кто это такъ звонко цѣлуется?..

Молодые люди, желая отвлечь разговоръ въ другую сторону, завели принципіальную бесѣду о пользѣ и значеніи поцѣлуевъ.

Время проходило самымъ веселымъ и непринужденнымъ образомъ, какъ вдругъ всѣмъ послышалось, что кто-то тронулъ наружную ручку парадной двери.

— Кажется, мужъ вернулся!—тихо произнесла мистриссъ Кумбъ.

Всѣ замерли и стали прислушиваться. Въ передней что-то съ шумомъ упало, послышались неторопливые, тяжелые шаги, и въ комнату собственной персоной вошелъ мистеръ Кумбъ—настолько не похожій на себя, что всѣ, увидѣвшіе его, широко разинули рты.

Безупречно чистый воротникъ намокъ, покрылся грязью и жалко повисъ; пальто было надѣто шиворотъ-на-выворотъ, а карманы оттопырились отъ множества напиханныхъ туда грибовъ. Такіе же грибы торчали изъ всѣхъ кармановъ платья и лежали въ шляпѣ, которую мистеръ Кумбъ несъ въ рукахъ.

Но всѣ эти детали были незначительной мелочью по сравненію съ тѣми измѣненіями, которыя совершились въ лицѣ мистера Кумба. Оно было мертвенно блѣдно; зрачки выпученныхъ глазъ расширились до необыкновенныхъ размѣровъ, безкровныя, синеватаго цвѣта губы были искривлены и напоминали не то гримасу, не то улыбку утопленника.

— Здорово ребята!—воскликнулъ мистеръ Кумбъ и завертѣлся въ вальсѣ.—Давайте танцовать! Танцы—разумное и полез-

ное развлеченіе: Мисъ Дженъ, дайте-ка кусочекъ вальса...

Сдѣлавъ неловкій пируэтъ, онъ едва не свалился съ ногъ, но удержался, схватившись за спинку кресла.

— Джимъ, опомнись!—въ испугѣ воскликнула мистриссъ Кумбъ, да такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ.

— Онъ просто пьянъ!—тихо шепнула миссъ Дженъ.

А мистеръ Кумбъ въ это время протягивалъ мистеру Кларенсу горсть грибовъ.

— Кушьте, пожалуйста! — заплетаясь, произнесъ онъ.—Кушьте, это хорошая вещь.

Онъ явился домой въ самомъ доброжелательномъ настроеніи, но при видѣ всеобщаго отчужденія и изумленія мгновенно перешелъ отъ веселья къ необузданному гнѣву. Это явленіе всегда наблюдается при отравленіи ядами, отличающимися наркотическими свойствами.

Мистеръ Кумбъ, очевидно, вспомнилъ про дневную ссору и заоралъ во все горло:

— Кто здѣсь хозяинъ? Я—хозяинъ! Чей домъ? Мой домъ! Ѣшь, мерзавецъ, коли угощаютъ, или же убирайся отсюда вонъ.

Мистеръ Кларенсъ не обнаружилъ при этомъ геройскихъ достоинствъ и спрятался за стулъ. Но этимъ онъ не спасся отъ разъяреннаго хозяина, который съ самымъ свирѣпымъ видомъ сталъ совать ему въ ротъ гри-

бы. Мистриссъ Кумбъ и миссъ Дженъ, опрокинувъ по дорогѣ круглый столъ, съ криками ужаса выбѣжали въ сосѣднюю комнату. Вслѣдъ за ними, весь измазанный раздавленными грибами, оставивъ воротъ пиджака въ рукахъ мистера Кумба, понесся и мистеръ Кларенсъ. Найдя дверь комнаты запертой, онъ, скорчившись въ три погибели, побѣжалъ на кухню.

Выбѣжавъ въ корридоръ, мистриссъ Кумбъ закричала:

— Заприте его въ гостинной!

Но миссъ Дженъ, заботясь о своей защитѣ, побѣжала въ лавку, примыкающую къ квартирѣ, и плотно закрыла за собой дверь. Мистриссъ Кумбъ пришлось искать убѣжища въ спальнѣ, что она и сдѣлала...

Увидѣвъ результаты своей несомнѣнной побѣды, мистеръ Кумбъ нѣсколько призадумался, а затѣмъ направился къ кухнѣ, гдѣ спрятался мистеръ Кларенсъ, напрасно пытавшійся запереть двери на ключъ.

При приближеніи хозяина, мистеръ Кларенсъ метнулся въ кладовую и, такимъ образомъ, самъ погубилъ себя: кладовая имѣла единственный выходъ, что было прекрасно извѣстно мистеру Кумбу.

Что произошло въ ближайшіе полчаса,— въ точности не выяснено. Всѣ участники этой мрачной трагедіи понынѣ хранятъ упорное молчаніе. Мистеръ Кумбъ ссылается на

затменіе памяти, а мистеръ Кларенсъ, вообще, избѣгаетъ разговоровъ на эту тему.

По отдѣльнымъ отрывкамъ можно, однако, возстановить приблизительную картину дѣйствій мистера Кумба. Онъ все-таки накормилъ гостя грибами, а остатки размазалъ по всему лицу и платью мистера Кларенса. Сдѣлавъ затѣмъ множество туровъ вальса, заботливый хозяинъ умылъ жениха миссъ Джэнъ подъ краномъ, тщательно почистилъ его сапожной щеткой и выпроводилъ, наконецъ, черезъ черный ходъ на улицу. Надо думать, что мистеръ Кларенсъ безпрекословно подчинялся всѣмъ причудамъ мистера Кумба.

Опредѣливъ по несомнѣннымъ признакамъ мѣстонахожденіе миссъ Дженъ и жены, мистеръ Кумбъ рѣшилъ не тревожить ихъ въ теченіе всей ночи, что свято и исполнилъ. Мистриссъ Кумбъ провела всю ночь въ спальнѣ, не раздѣваясь, а миссъ Дженъ прикурнула на прилавкѣ, да такъ и уснула.

А неугомонный мистеръ Кумбъ, желая должнымъ образомъ завершить лучшій день своей жизни за послѣднія десять лѣтъ, снова отправился на кухню, гдѣ и выпилъ, вѣрнѣе, вылилъ на себя, пять бутылокъ крѣпкаго вина, купленнаго спеціально для мистриссъ Кумбъ, страдавшей катарромъ желудка. Найдя обычный способъ откупориванія бутылокъ слишкомъ скучнымъ, онъ, распѣвая во

все горло, сталъ отбивать горлышки у бутылокъ любимыми тарелками жены и при этомъ жестоко поранилъ себѣ руки.

Остальную часть вечера и ночи мистеръ Кумбъ, по невыясненнымъ причинамъ, провелъ въ кладовкѣ для угля.

**
*

Прошло пять лѣтъ.

Въ одинъ изъ воскресныхъ вечеровъ, въ октябрѣ, мистеръ Кумбъ снова гулялъ по сосновому лѣсу. За это время онъ значительно пополнѣлъ и даже обзавелся солиднымъ двойнымъ подбородкомъ. На немъ было новое пальто съ широкими бархатными лацканами и воротникомъ и красивая фетровая шляпа.

Мистеръ Кумбъ со времени вышеописанныхъ событій значительно разбогатѣлъ, держалъ уже трехъ приказчиковъ и вернулъ себѣ былую военную осанку.

Мистеръ Кумбъ гулялъ въ сопровожденіи своего младшаго брата, Тома Кумбъ, лишь на-дняхъ вернувшагося изъ Австраліи.

— Да, Джимъ, ты очень недурно устроился!—съ легкой ноткой зависти произнесъ Томъ.—Конечно, очень многимъ ты обязанъ своей женѣ. Въ наше время другую такую женщину днемъ съ огнемъ не найдешь!.. Тебѣ повезло!

— Да, неужели же, Томъ, ты думаешь, что она всегда была такой?—воскликнулъ Джимъ.—Между нами говоря, мнѣ стоило не малыхъ трудовъ сдѣлать изъ нея соотвѣтствующую мнѣ жену.

— Серьезно?

— Конечно! Въ свое время она мнѣ закатывала такія сцены, что я неоднократно думалъ о самоубійствѣ. Гости не выходили изъ дома, пили, ѣли, смущали жену самыми глупыми разговорами, заставляли ее тратиться на наряды,—и я едва-едва не дошелъ до банкротства! Да!

— Ну, и что же произошло?

— А то, что въ одно изъ воскресеній я потерялъ терпѣніе и задалъ своей женѣ и гостямъ такую трепку, что первая стала, какъ шелковая, а вторыхъ—и слѣдъ простылъ. Ага, я умѣю!

— И съ тѣхъ поръ?..

— И съ тѣхъ поръ я счастливъ—счастливъ, конечно, относительно,—счастливъ постольку, поскольку счастье вообще возможно на землѣ... Живемъ помаленьку, Бога не не гнѣвимъ и сами не жалуемся. Только отъ человѣка зависитъ создать свое счастье.

— Можетъ быть, и правда!—съ подавленнымъ вздохомъ произнесъ Томъ Кумбъ, которому вообще не везло въ жизни.

Нѣкоторое время братья шли молча.

— Господи, какая пропасть грибовъ въ этомъ лѣсу! — сказалъ, наконецъ, Томъ Кумбъ.—И зачѣмъ только Господь создалъ такую пакость?

— Господь безъ цѣли ничего не создалъ! —сентенціозно промолвилъ мистеръ Джимъ Кумбъ.—Намъ съ тобой невѣдомо, зачѣмъ эти грибы, а, быть можетъ, кому иному они и жизнь спасли.

Вотъ и все, что нашелъ сказать о грибахъ человѣкъ, который именно этимъ грибамъ былъ обязанъ всѣми чудесными перемѣнами въ своей жизни! Неблагодарный человѣкъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Редакторъ-Издатель: М. Г. Корнфельдъ.